

ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА

*М.Е. Кравцова**

Некоторые тенденции в новейших исследованиях по истории поэзии Китая

АННОТАЦИЯ: В статье предпринимается попытка характеристики новейших подходов к китайской классической поэзии с преимущественным вниманием к изменению трактовок феноменов и процессов поэтической жизни Южных династий в конце V — первой половине VI в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Южные династии, китайская поэзия, литературно-теоретическая мысль, придворное поэтическое творчество, поэзия в стиле Юн-мин, стихи дворцового стиля.

Приблизительно с рубежа 1980–1990-х гг. в зарубежном синологическом литературоведении и в китайской филологии наблюдается рост интереса к поэтической «классике», сопровождаемый новыми, на фоне предшествующих десятилетий, исследовательскими тенденциями.

Во-первых, всё более пристальное внимание обращают на те поэтические явления — творчество отдельных литераторов и исторических периодов, жанровые и тематические категории, которые прежде полагались по тем или иным причинам малозначительными, а то и чуть ли ни случайными для магистральных литературных процессов. Ярким показателем этой тенденции служит подготовка комментированных изданий литературно-поэтического наследия авторов, принявшая за последние десятилетия беспрецедентные масштабы. Особенно это заметно для поэтического творчества III–VI вв. (эпоха Лючао 六朝, Шести династий) и эпохи Тан 唐 (618–906). Сегодня

* Кравцова Марина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; E-mail: kravtsova_sin@mail.ru

имеются, например, комментированные издания произведений Фу Сюаня 傅玄 (218–278) [16]¹, Пань Юэ 潘岳 (247–300) [10; 11], Ли Цяо 李嶠 (654?–714?) и Су Вэй-дао 蘇味道 (648–705) [5]², а также многих других литераторов, кого ещё недавно считали «второстепенными» и «третьестепенными» фигурами в истории китайской поэзии.

Вторая тенденция, присущая в большей степени европейскому (в самом широком смысле этого термина) синологическому литературоведению, нежели собственно китайской филологии, заключается в попытке выявления типологических особенностей китайской поэзии и логики развития тех или иных её явлений, исходя из внутри-литературных, но опять-таки, специфических китайских, закономерностей и экстра-литературных (историко-культурных) факторов. К числу наиболее примечательных исследований такого методологического ряда я бы отнесла книги исходно немецкого китаевода Мартина Керна (Martin Kern) [26]³, американских учёных Стефана Оуэна (Stephen Owen) [28] и Цай Цзун-ци (Cai Zong-qi 蔡宗齊) [19]⁴.

Третья тенденция, логически вытекающая из первых двух, заключается в переосмыслении ранее принятых в науке точек зрения о месте и роли в истории китайской поэзии, как творчества единичных авторов и литературных содружеств, так и более общих явлений, начиная с трансэпохальных страт, образующих своего рода

¹ Есть и серия монографий о его поэтическом творчестве [3; 4; 6].

² Оба являются представителями придворного содружества *Вэнь чжан сы ю* 文章四友 («Четыре друга-мастера словесности»), тоже находившегося вне пристального поля зрения исследователей, а сегодня считающегося наиболее значительным литературным явлением второй половины VIII в. (точнее, периода властвования императрицы У-хоу 武后, она же У Цзэ-тянь 武則天, 624–705), с которым соотносится очередной этап совершенствования стихосложения и утверждения в поэтической практике стихотворных форм, всё более близких к классическим восьмистишиям *люйши* 律詩 («уставные стихи») и четверостишиям *цзюэцзюй* 絕句 («оборванные строки»); см., например, [8, с. 51–59; 13, т. 1, с. 146–154].

³ Ему же принадлежит внушительное число публикаций статейного формата о древнекитайской поэзии и *Ши цзине*, выдержанных в указанной исследовательской парадигме, содержание которых отчасти суммировано в [27].

⁴ Сошлось также на подготовленное Цай Цзун-ци коллективное, внешне популярное (рассчитанное на широкую читательскую аудиторию) и под красноречивым названием издание «How to Read Chinese Poetry: A Guided Anthology» [24]. В нём на самом деле заложены новые методологические подходы к истории китайской поэзии — через определение типологических характеристик диахронных поэтических феноменов и объяснение логики их преемственности.

«каркас» массива литературного наследия Китая. Среди определяющих здесь научных новаций особо значимо, на мой взгляд, опознание придворной культуры (*courtier culture*, в европейской научной терминологии) в качестве самостоятельной сферы интеллектуально-творческой жизни имперского Китая и признание художественной ценности традиции придворного поэтического творчества, порождённой этой сферой⁵. Исключительно показательно в данном случае радикальное переосмысление сущности и качеств придворного поэтического творчества Южных династий — Южной Ци (Нань Ци 南齊, 479–501) и Лян 梁 (502–557)⁶, и его обоих ведущих феноменов: *Юн-минти* (永明體, «поэзия в стиле [времен под девизом правления] Юн-мин») и *гунтиши* (宮體詩 «стихи/поэзия дворцового стиля»). Без малого столетие в науке господствовали такие их обобщающие характеристики: «Что касается поэзии Ци и Лян в целом, то мало кого из литераторов действительно волновал пейзаж. Большинство из них поднаторели в создании эффектных строк о временах года, пикниках, горных башнях и т.д.» [20, р. 11]; и даже: «При Южной Ци, как говорится, „были толпы писак, да лишь стрекот цикад“... Многие литераторы вели гнилой образ жизни, большинство произведений скатывалось к пороку» [17, с. 16]. Сегодня столь же общепринято мнение, что литературно-поэтическая жизнь Южной Ци и Лян составляет один из ключевых этапов в истории всей китайской художественной словесности. Буквально на глазах стремительно возрастает число комментированных изданий собраний

⁵ В качестве самостоятельной поэтической страты придворное творчество, начиная с эпохи Хань 漢 (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) и до Тан подробнее всего рассматривается в [33]. В русле такого рода исследований находится и тезис о необходимости строго различать две социокультурные страты в поэтическом творчестве первого столетия Тан: придворная (*гунъяньши* 宮延詩) и *ибань шицзэнь дэ ши* (一般詩人的詩, букв. «поэзия рядовых чиновников») [7, с. 45]. Этот тезис, в свою очередь, стимулировал исследовательский интерес к интеллектуально-творческим содружествам при дворах первых танских монархов. Особое внимание уделяют придворной литературной жизни времен правления Ли Ши-миня 李世民 (599–649, танский Тай-цзун 太宗, правил в 626–649), а также его собственному поэтическому творчеству, о чём вновь свидетельствует и публикация комментированного издания его литературного наследия [14], и появление исследований на данную тему монографического формата [21].

⁶ Речь идёт о государственных образованиях (династиях *чао* 朝), существовавших на Юге (регионы р. Янцзы) Китая, после его частичного завоевания «варварскими» народностями, образовавшими на Севере (регионы р. Хуанхэ) собственные, северные, государства/династии (Бэй-чао 北朝).

сочинений литераторов, посвящённых им исследований и исследований, в которых названные феномены рассматриваются именно в контексте придворной культуры как, повторю, особой сферы духовной жизни тогдашнего общества⁷. Не имея возможности в рамках данной публикации изложить все аспекты данной проблемы, кратко резюмирую имеющиеся в новейших исследованиях точки зрения, добавив к ним собственные наблюдения.

Придворное поэтическое творчество Южной Ци и Лян, действительно, производит двойственное впечатление, на что указывали ещё современники (см. ниже). Его большую часть составляют панегирики правящему дому, воспевания великолепия придворной жизни во всех её проявлениях (от славословий пиршественных трапез до воспеваний прелестей гаремных красавиц), всевозможные вариации на заданную тему, по мотивам как произведений прошлого, так и творений друг друга, поэтические эпистолы. Расцвела имевшая место и ранее практика «коллективных поэтических экзерсисов», т.е. сочинительство произведений на общую тему в ходе проведения придворных мероприятий, в первую очередь, пиршественных церемоний. Важно, что в придворную поэзию влились и стихи с даосско-религиозными и буддийскими мотивами, прежде бывшие достоянием сугубо частной поэтической деятельности, а теперь тоже нередко слагавшиеся по принципу «коллективных экзерсисов». Причиной такого изменения их социальной принадлежности послужило включение самих буддизма и даосизма в систему официальной идеологии и, следовательно, их превращение в органический компонент придворной культуры (царедворцы *упасака* и адепты южно-китайских даосских школ).

Однако за внешним «торжеством эпигонства» происходили процессы, определившие существо и векторы развития всей последующей авторской лирической поэзии-*ши* 詩. Это, во-первых, окончательное превращение *ши* в лирику, отвечающую признакам «поэзии замкнутых стилей», чему сопутствовало сложение набора инвариантных, проистекающих из всей совокупности предшествующих произведений, поэтических ситуаций или сюжетов, которые превалировали

⁷ Подробно об *Юн-минти* и *гунтиши*, истории их изучения, традиционных и новейших их оценках я говорю в [1 т. 1, с. 658–708]. Тем не менее, хотелось бы ещё раз отметить зарубежные исследования, опубликованные за последние несколько лет [23; 29; 31]. Новейшие точки зрения на историю китайской поэзии IV–VI вв. и непосредственно Южной Ци и Лян обобщены в [30].

над контекстом конкретного стихотворения⁸. Стали воспроизводить не личные переживания, порождённые индивидуальным творческим опытом поэта, а «суммарную эмоцию», которая развёртывается и варьирует в движении общего лирического сюжета. В результате китайская лирическая поэзия обрела свои главные типологические характеристики: ситуативность и традиционность. Под ситуативностью я имею в виду, что предметом изображения произведения оказываются не столько жизненные реалии и переживания автора, сколько некая внеположная по отношению к нему лирическая ситуация, заданная предшествующим литературным контекстом или общекультурной традицией. Кроме собственно сюжетной линии такая ситуация определяет тип лирического героя, включая его мировоззренческие позиции (конфуцианский *цзюньцзы*, даосский мудрец, буддийский адепт и т.д.) и пространственно-временные координаты поэтического мира. Традиционность китайской лирической поэзии состоит в том, что поэтическое повествование опирается на опыт, накопленный всей национальной культурой и закреплённый в предшествующих письменных памятниках.

Во-вторых, и это может показаться уже совсем невероятным, вся внешне «эпигонствующая» поэзия оказывается сфокусированной в переживаниях личности — неважно, любовные ли терзания лирической героини, душевные муки ратников, оказавшиеся вдали от дома, наслаждение красотой природы или девичьими прелестями, ликования в честь победы или метания между долгом благородной личности и стремлением к уединению, созерцание природы или религиозный восторг. Предметом поэтического повествования всех тематических направлений и категорий, окончательно тоже утвердившихся в Южной придворной поэзии, неизменно служит внутренний мир человека, его персональное мировидение и его эмоциональная реакция на происходящее.

Именно в таком ракурсе придворная поэзия Ци и Лян была опознана современниками, усмотревшими в ней *синьбянь* 新變 (букв. «новые изменения»). Сегодня большинство учёных признают, что в этом терминологическом сочетании содержится указание на качественную новизну поэтического творчества (например, [29, р. 175]), высказано и предположение, что его следует понимать в значении даже не «новые изменения», а «новая и уникальная поэзия» [22, р. 104–106]. Теоретическим обоснованием *синьбянь* видятся идеи Шэнь Юэ 沈約 (441–513) — одного из главных представителей *Юн-минти* и апологета «эстетико-эмоционального» подхода к поэтическому творчеству.

⁸ Более подробно об этих процессах см. в: [1, т. 1, с. 696–704].

Вчитаемся ещё раз в строки из его сочинения *Ши лунь* 史論 («Суждение историка»), которое, думается, до сих пор не нашло должного признания у исследователей литературно-теоретической мысли Китая: «Люди наделены совершенством Неба и Земли. Таят в себе благую силу Пяти постоянных. [В своих действиях] попеременно расходуют твёрдое и мягкое, их эмоции распадаются на [чувства] радости и гнева. И вот движение устремлений (*чжи дун* 志動) внутри, наружу выходит в виде пения и декламации... Пусть от [времён], предшествовавших Юю и Ся, [образцы] художественной словесности (*вэнь* 文) не сохранились. Обладание [человеческим существом] творческой потенцией, эмоциями и совершенством [Неба и Земли], — эти принципы всегда неизменны. А значит, пение (*гэ* 歌) и декламация (*юн* 詠) должны были появиться совместно с началом рода людского»⁹. А ведь Шэнь Юэ доказывает врождённость и имманентность поэтического дара у любого человека по причине его метафизической связи с окружающим миром. Подобное «первородство» поэзии само собой разумеющееся выводит её за пределы любых идейно-культурных детерминативов. И ещё одна цитата, из послесловия к разделу «Жизнеописаний литераторов» (*Вэньсюэ лэчжуань* 文學列傳), официального историографического сочинения *Нань Ци шу* 南齊書 («Книга о Южной Ци») ¹⁰. Текст открывается постулатом, что истинное литературное произведение есть то, которое «божественно озаряет через совершенную гармонию звуков, словно поднятые ветром к верхушкам деревьев эмоции» [9, т. 3, цз. 52, с. 907] ¹¹.

⁹ Текст *Ши лунь* исходно являлся, напомним, заключительным разделом жизнеописания великого поэта-пейзажиста Се Лин-юня 謝靈運 (385–433) из составленной Шэнь Юэ же *Сун шу* 宋書 («Книга о [Лю] Сун») (цз. 67; см. [12, т. 6, 1778–1779]), затем был включён в качестве самостоятельного сочинения в состав (цз. 50) антологии *Вэнь сюань* 文選 («Избранные [произведения/образцы] изящной словесности»). Полный комментированный вариант перевода этого фрагмента *Ши лунь* дан мною в: [1, т. 1, с. 368–369].

¹⁰ *Нань Ци шу* — коллективный труд, руководителем которого признан Сяо Цзы-сянь 蕭子顯 (489–531), член правящего дома Сяо 蕭 династий Южная Ци и Лян. Т.е. это единственное из официальных историографических сочинений *чжэньши*, созданное при Южных династиях и отражающее синхронные культурные реалии, в данном конкретном случае — официальные и свойственные придворной культуре того времени воззрения на поэтическое творчество.

¹¹ Там же (с. 908) доказывается и объективная необходимость качественного обновления поэзии: «Что касается истинных литературных творений, то грозящие им недуги — заурядность и устарелость. Если нет новых изменений, то невозможно превзойти мастеров [прошлого]», см. также [22, р. 106].

Итак, имеются все основания утверждать, что в рамках Южного придворного поэтического творчества состоялся высший расцвет сугубо индивидуализированной авторской лирической поэзии, для определения которой больше всего подходит термин *юнхуай* 詠懷 (дословно «пою о том, что на душе»), происходящий от названия знаменитого цикла Жуань Цзи 阮籍 (210–263) *Юн хуай ши* 詠懷詩 («Стихи, воспевающие, что на душе») ¹², который, в свою очередь, репрезентирует поэзию, порождённую не менее знаменитым культурно-идеологическим течением Ветер и поток (*фэнлю* 風流), и заложившего традицию интровертной и эгоцентрической лирики, сфокусированной в саморефлексии. Однако такая поэзия в корне противоречила конфуцианскому дидактико-прагматическому к ней подходу, настаивавшему, как это хорошо известно, на абсолютном приоритете общественно-значимых функций поэтического творчества и литературы (*вэнь*) в целом. За отход от конфуцианских императивов придворная поэзия Ци и Лян подверглась резкой критике со стороны тоже современников, но тех, кто остался вне придворных кругов и, искренне, видимо отстаивал конфуцианские ценностные установки применительно к литературному творчеству ¹³. Достаточно сослаться на высказывания из трактата *Вэнь синь дяо лун* («Сердце словесности и искусство ваяния дракона») ¹⁴ и *Дяо чун лунь* 雕蟲論 («Рассуждения о резьбе насекомых») Пэй Цзы-е 裴子野 (469–530) ¹⁵. В первом (глава *Сюй чжи* 序志, «Упорядочивание намерений»)

¹² Название цикла исключительно трудно для перевода по причине семантической насыщенности категориального термина *хуай*, чем и объясняется многообразие вариантов его перевода: «Пою о чувствах», «Воспоминания», «Poems of My Heart» «Singing My Feelings», «Poems Expressing My Heart», «Songs of My Soul», «Songs of My Innermost Thoughts», «Expressing My Thoughts» и т.д. Тем не менее, в любом случае признаётся, что это произведение является ярчайшим образцом складывавшейся в Китае традиции авторской лирической поэзии, направленной на выражение психоэмоционального состояния личности. Об этом цикле и истории его изучения в отечественном, зарубежном китаеведении и китайской филологии см. [1, т. 1, с. 482–486].

¹³ Я полностью принимаю версию о подразделении теоретиков литературы Южной Ци и Лян на два «стана» по социальному признаку: те, кто принадлежали к официальному (придворному) интеллектуально-творческому сообществу, и те, кто, находясь вне придворных кругов, выражал частную точку зрения (подробно см. [22, р. 98–102]).

¹⁴ Рискую предложить такой вариант перевода названия этого трактата, который аргументируется мною в [1, т. 1, с. 125–130; 2].

¹⁵ Это сочинение является фрагментом более масштабного труда — *Сун люэ* 宋略 («Хроники [династии Лю] Сун»), который сохранился в составе

читаем: «Предназначение литературных творений произрастает из канонов и классических сочинений... Посредством их [отношения между] государем и подданными ярко высвечивали, военные и государственные [деяния] освещали и проясняли. Если проследить их истоки, то, вне всяких сомнений, это каноны и классические сочинения. Однако, чем дальше от времён совершенных мудрецов, тем более сущность *вэнь* утрачивалась и распадалась. Поднаторевшие в строфах обожают необычайное, в словесах превозносят легкомысленное и эксцентричное, украшают [произведения] перьями, донельзя расписывая, — что узорочье да вышивки на платочках и поясках, и так отходят от корней всё настойчивее, двигаясь в сторону фальши и [художественных] излишеств»¹⁶. Пэй Цзы-е: «Как оказались за Рекой, хвалёные Янь [Янь-чжи] и Се [Лин-юнь] иглочками вышивали платочки и пояса, обходя стороной [государственно значимое] в святилищах и дворцовых залах... С тех пор и юнцы из деревенских околиц, и [молодые] аристократы с ухоженными причёсками, — никто не преминул отринуть шесть искусств и предаться воспеванию собственных эмоций и природы. Студенты со всем рвением упражняются в лексических изысках, считая истинные строки глупыми и невежественными. Словесной мазнёй добивают классическое, разукрашенное полагают достижением... Достопочтенный Сюнь[-цзы] говорил: „Знак эпохи смут, когда литературные творения дурные и цветистые“. Разве это время теперь не близко?!».

свода *Тун дянь* 通典 («Всеобщий свод знаний») Ду Ю 杜佑 (735–812), последний и определил его в качестве вступительной части трактата *Дяо чун лунь*. Его относят к числу наиболее значительных литературно-теоретических сочинений рубежа V–VI вв. [18, т. 1, с. 323–324]; есть несколько версий его перевода на европейские языки [25, р. 140–142; 31, р. 67–68].

¹⁶ Существует внушительное число комментированных изданий *Вэнь синь дяо лунь*. Я предпочитала пользоваться изданием, подготовленным Фань Вэнь-ланем 範文瀾 (1891–1969) и опубликованным в т.ч. в составе собрания его сочинений [15, т. 4–5]; текст непосредственно процитированного фрагмента (т. 5, с. 631). «Поднаторевшие в строфах» — в текстах употреблено сочетание *цзыжэнь* 辭人 («человек/люди строф»), могущее употребляться в литературно-теоретической мысли, начиная с I в. н.э. в крайне уничижительном смысле и передавая понятие, близкое к «стихоплёт». В таком значении *цзыжэнь* резко противопоставлялся *шижэнь* 詩人 («человек/люди поэзии»), т.е. исходно творцу (творцам) произведений, вошедших в каноническую антологию *Ши цзин* 詩經 («Канон поэзии»), а затем — «истинному поэту», следующему духу и поэтике *Ши цзина*, подробно см. [31, р. 67].

Хотя Пэй Цзы-е связывает деградацию, по его мнению, современного ему поэтического творчества с ухудшением социально-политической ситуации в стране, дебаты по поводу функций и художественных достоинств «истинной поэзии», шедшие в Южной литературной критике, пока что не вышли за её собственные рамки. Геополитическое звучание они приобрели в теоретической мысли Севера, всё настойчивее противопоставлявшего себя Югу. Возникновение династии Суй 隨 (581–618), наследницы Северных государств, завоевание Юга и установление одноимённой империи (589–618) окончательно трансформировало литературно-теоретические воззрения в идейно-политический и геополитический концепт. Эмоциональность, чувственность и художественная изощрённость придворной поэзии, особенно *гунтиши*, доказывали ущербность всей духовной жизни Юга и, следовательно, политическую несостоятельность местных властей [30, р. 277]. Так в силу вступило опротестование поэтического наследия Южной Ци и Лян, сохранявшееся на всём протяжении дальнейшей истории Китая и оказавшее определяющее влияние на научные изыскания¹⁷.

Отказ от традиционных и традиционалистских взглядов на поэтическое творчество Юга позволяет предложить новую модель логики развития литературно-поэтических процессов в имперском Китае. На мой взгляд, в литературной жизни эпохи Шести династий выкристаллизовалась внутренняя структура творческого пространства, сводимая к двум базовым оппозиционным блокам: один — придворная и частная поэзия («пою о том, что на душе»), второй — поэзия, отвечающая конфуцианским императивам («думы о государстве»). То сближение, то расхождение этих структурных блоков, отягощённое дилеммой — должна ли истинная поэзия приоритетно служить обществу или человеку, — надолго останется энергичной движущей силой развития китайской лирики.

Литература

1. Алимов И.А., Кравцова М.Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII века: поэзия, проза». В 2 т. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014.

¹⁷ Резкая критика поэтического творчества Южных династий превратилась в органическую часть официальной культурной политики при Суй [31, т. 2, с. 878–881]. В дальнейшем наибольшему ostracismу подверглись *гунтиши*: с середины эпохи Тан к ним устойчиво прилагали термин *туйхуй* 頹毀 («лежать в развалинах»), который считают семантическим аналогом европейского понятия декаданса [32, р. 2–3].

2. *Кравцова М.Е.* О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се // Письменные памятники Востока / Историко-филологические исследования. № 18.2 (2013). С. 126–136.
3. *Ань Чао-хуэй 安朝輝.* Лунь Фу Сюань цзи ци шигэ 論傅玄及其詩歌 (О Фу Сюане и его поэзии). Сиань: Сибэй дасюэ, 2003.
4. *Ван Цзя-шэн 王家勝.* Фу Сюань шигэ яньцзю 傅玄詩歌研究 (Исследования поэзии Фу Сюаня). Цзинань: Шаньдун дасюэ, 2006.
5. Ли Цяо ши чжу, Су Вэй-дао ши чжу 李嶠詩注, 蘇味道詩注 / Сюй Дин-сян чжу 徐定祥注 (Стихи Ли Цяо с комментариями; стихи Су Вэй-дао с комментариями / Комментар. Сюй Дин-сяна). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1995.
6. *Ли Янь 李艷.* Фу Сюань ши фу яньцзю 傅玄詩賦研究 (Исследование лирики и одической поэзии Фу Сюаня). Ухань: Хунань шифаньдасюэ, 2003.
7. *Ло Цзун-цянь 羅宗強, Хао Ши-фэн 郝世峰.* Суй Тан Удай вэньсюэ ши隋唐五代文學史 История литературы Суй, Тан и Пяти династий). Т. 1. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1993.
8. *Мао Шуй-цин 毛水清.* Суй Тан Удай вэньсюэ ши隋唐五代文學史 (История литературы Суй, Тан и Пяти династий). Наньнин: Гуанси жэньминь чубаньшэ, 2003.
9. Нань Ци шу 南齊書 / Сяо Цзы-сянь чжуань 蕭子顯撰 (Книга о Южной Ци / Составитель Сяо Цзы-сянь). В 3 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1987.
10. Пань Юэ цзи цзяочжу 潘岳集校注 / Дун Чжи-гуан цзяочжу 董志廣校注 Критический текст собрания сочинений Пань Юэ с комментарием / Крит. Текст и коммент. Дун Чжи-гуаня). Тяньцзинь: Гуцзи чубаньшэ, 1993
11. Пань хуанмэнь цзи цзяочжу 潘黃門集校注 / Ван Цзэн-вэнь цзяо чжу 王增文校注 (Критический текст собрания сочинений Паня из Императорского совета с комментарием / Крит. текст и коммент. Ван Цзэн-вэня), Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 2002.
12. Сун шу 宋書 / Шэнь Юэ чжуань 深約選 (Книга [о династии Лю] Сун / Сост. Шэнь Юэ). В 8 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1983.
13. Тандай вэньсюэ ши 唐代文學史 / Цяо Сян-чжун, Чэнь Те-минь чжубянь 喬象鍾, 陳鉄民主編 (История литературы династии Тан / Под ред. Цяо Сян-чжуна, Чэнь Те-миня). В 2 т. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2000.
14. Тан Тай-цзун цюань цзи цзяо чжу 唐太宗全集校注 / У Юнь, И Юй цзяо чжу 吳雲, 翼宇校注 (Критический текст собрания сочинений Танского Тай-цзуна с комментариями / Крит. текст и коммент. У Юня и И Юя). Тяньцзинь: Гуцзи чубаньшэ, 2004.
15. *Фань Вэнь-лань. 範文瀾.* Цюань цзи 全集 (Полное собрание сочинений). В 10 т. Пекин: Хэбэй цзяоюй чубаньшэ, 2002.
16. Фу Сюань ши чжу 傅玄詩注 / Цзянь Чан-чунь, Ван Хуэй-шао, Юй Сянь-цзе чжу 蹇長春, 王會紹, 余賢傑注 (Стихи Фу Сюаня с комментариями / Комментар. Цзянь Чан-чуня, Ван Хуэй-шао, Юй Сянь-цзе). Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 1987.

17. Хань Вэй Лючао ши сюань 漢魏六朝詩選 / Юй Гуань-ин сюань чжу 餘冠英選註 (Избранная лирика Хань, Вэй и Шести династий / Сост. и коммент. Юй Гуань-ин). Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1958.
18. Чжунго лидай вэнь лунь сюань 中國歷代文論選 / Го Шао-юй чжубянь, Ван Вэнь-шэн фубянь 郭紹虞主編, 王文生副編 (Избранные теоретические сочинения о литературе различных исторических эпох Китая / Глав. ред. Го Шао-юй, зам. глав. ред. Ван Вэнь-шэн). В 4 т. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 2004.
19. *Cai Zong-qi*. The Matrix of Lyric Transformation: Poetic Modes and Self-Presentation in Early Chinese Pentasyllabic Poetry. Ann Arbor: Center of Chinese Studies, University of Michigan, 1996.
20. *Chang H.S.* Chinese Literature. 2. Nature Poetry. New York: Columbia University Press, 1977.
21. *Chen Jack W.* The Poetics of Sovereignty: On Emperor Taizong of the Tang Dynasty. Cambridge: Harvard University Asia Center, 2010.
22. *Deng Qingzhen*. Xiao Gang (503–551): His Life and Literature. Doctoral dissertation. University of British Columbia (Vancouver). 2013.
23. *Goh Meow Hui*. Sounds and Sight: Poetry and Courtier Culture in the Yongming Era. Stanford: Stanford University Press, 2010.
24. How to Read Chinese Poetry: A Guided Anthology / Ed. by *Zong-qi Cai*. New York: Columbia University Press, 2007.
25. *Jansen Thomas*. Höfische Öffentlichkeit im frühmittelalterlichen China: Debatten im Salon des Prinzen Xiao Ziliang. Freiburg: Rombach, 2000.
26. *Kern Martin*. The Stele Inscriptions of Ch'in Shih-huang: Text and Ritual in Early Imperial Representation. New Haven: American Oriental Society, 2000.
27. *Kern Martin*. Early Chinese literature, beginnings through Western Han // The Cambridge History of Chinese Literature / Ed. by *Kang-i Sun Chang* and *Stephen Owen*. In 2 vol. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 1. P. 1–115.
28. *Owen Stephen*. The Making of Early Chinese Classical Poetry. Massachusetts; London: Harvard University Press, 2006.
29. *Tian Xiaofei*. Beacon Fire and Shooting Star: the Literary Culture of the Liang (502–557). Cambridge: Harvard University Press, 2007.
30. *Tian Xiaofei*. From the Eastern Jin through the Early Tang (317–649) // The Cambridge History of Chinese Literature / Ed. by *Kang-i Sun Chang* and *Stephen Owen*. In 2 vol. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 1. P. 199–285.
31. *Wang Ping*. The Age of Courtly Writing. Wen xuan Compiler Xiao Tong (501–531) and His Circle. Leiden: Brill, Princeton University, 2012.
32. *Wu Fusheng*. The Poetics of Decadence. Albany: State University of New York Press, 1998.
33. *Wu Fusheng*. Written at Imperial Command: Panegyric Poetry in Early Medieval China. Albany: State University of New York Press, 2008.

*M.Ye. Kravtsova**

**Some scholar trends in modern studies on the history
of Chinese poetry**

ABSTRACT: The article summarizes some new scholar trends within modern (those performed in the last decades of the past century) Chinese and Western studies in Chinese classical poetry paying principal attention to changing interpretations of phenomena and processes of the poetic life of the Southern dynasties (*Nanchao*) in the late 5th – early 6th century. The major innovation is recognition of court poetry as autonomous literary strata marked by its own essential features. Represented mainly by so-called Yongming Style Poetry (*Yongmingti*) and Palace-style Poetry (*gongtishi*), the Chinese southern court poetry, despite its extremely negative traditionalist criticisms, appears to be the highest point of the lyric poetry (*shi*) entirely focused in personal psycho-emotional inner conditions, what sharply contradicted the Confucian views on social functions of poetic activities. As a result, a dilemma whether the “proper poetry” should work to meet the public or individual needs became a major sticking point for the Chinese culture and literary mind, strongly impacting the fine literature in all subsequent ages.

KEYWORDS China, Southern Dynasties, Chinese poetry, literary mind, court poetry, lyric poetry, Yongming Style Poetry, Palace-style Poetry.

* Kravtsova Marina Yevgenyevna, Dr. of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia; E-mail: kravtsova_sin@mail.ru